

О.А.Воронина

Глобализация и патриархат // "Философия в диалоге культур. Всемирный день философии (Москва - Санкт-Петербург, 16 - 19 ноября 2009 года)". М., Прогресс-Традиция, 2010. сс. 386 - 394.

Глобализационные процессы обсуждаются в последние десятилетия очень активно. Однако до сих пор не создано единой концепции, объясняющей этот феномен и оценивающий его последствия. При описании глобализации обычно используются гиперболы, которые рисуют мир либо как арену централизованных экономических сил и рационально направляемого рынка, либо как демократию, новые коммуникационные технологии и возможности разнообразного выбора для каждого человека. Очевидно, что глобализация мира открывает новые возможности, но также несет и новые проблемы.

Глобализация началась задолго до того, как о ней стали говорить, – в эпоху колонизации. Современное глобальное общество стало складываться в результате военной и экономической экспансии европейских государств, которая началась в XV в. и привела к созданию колониальных империй¹. Именно тогда европейский порядок, социальные институты, нормы и ценности стали утверждаться в других, колонизируемых культурах.

Современный этап глобализации – это многогранный процесс формирования новых общественных отношений, развивающийся «поверх» границ национальных государств. В основе этого процесса лежит экономический и политический проект неолиберализма, а еще уже – реализация доктрины свободной торговли. Естественно, что процессы глобализации затрагивают действующих субъектов микроэкономики – мужчин и женщин. Именно на гендерном аспекте глобализации я бы хотела остановиться в данной статье.

¹ Wallerstein I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. // N.Y., 1974.

В процессе неолиберальной глобализации идея государства всеобщего благосостояния отошла в тень. Теперь главной задачей государства считается поддержание конкурентоспособности, рентабельности, макроэкономических показателей. Это по-новому определяет отношения государства и рынка, политики и экономики. Главной финансовой и экономико-политической целью становится консолидация государственного бюджета, а не забота о благосостоянии граждан. На смену экономике, производящей товары потребления, приходит экономика монетарная, в которой и производство, и торговля, и инвестиции подчинены росту прибыльности капитала. Как пишет один из исследователей, – «те области, которые исторически были кодированы как мужские – армия, полиция, чиновничество – в рамках глобального процесса реструктуризации усиливаются. ... «Мягкие» области политики – социальная политика, защита окружающей среды, культура, сотрудничество по развитию – ослабляются, а «жесткие», например, финансы и безопасность, усиливаются...»². Обычно о глобализации говорят и пишут как о гендерно нейтральном и гомогенизирующем процессе, создающем свободный всемирный рынок, в котором все могут принимать участие на равных. Однако как показывает анализ, проделанный рядом западных исследователей, глобальная экономика не строится на принципах равенства³. Новый глобальный рынок ориентируется на свободного, самостоятельно, готового к риску и конкуренции работника (*homo oeconomicus*). Именно так определяет модель зрелости биржевого маклера и предпринимателя в глобальной экономике Р. Коннелл⁴.

В течение последних десятилетий капитал рос в невероятных размерах, в то время как экономический рост значительно от него отставал. Однако даже если в стране наблюдался экономический рост,

² Sauer B. Gender makes the World go round. Scharenberg, 2003, p. 106.

³ <http://www.globalstudies.org>.

⁴ Connell, R. Masculinities and Globalization. // Men and Masculinities (July 1998).

распределение экономического продукта по регионам, классам, этническим и гендерным группам было неравным. Глобальная экономика делает «невидимыми» старых, бедных, инвалидов, представителей неевропейских наций, женщин. Борьба с бедностью более не является целью государства. Социальные противоречия и неравенства сглаживаются с помощью усредненных макроэкономических показателей. Такой феномен называют «глобальной геометрией власти»: хотя все больше стран и людей вовлекаются в процесс глобализации, они имеют неравные властные позиции и различные возможности контролировать позитивные или негативные эффекты глобализации.

Глобальное гендерное разделение труда

Результатом экономического роста стал рост бедности в общемировом масштабе и феминизация бедности. В одном из докладов ООН констатируется, что «женщины составляют половину населения мира, выполняют две трети совокупной работы в производственном и воспроизводственном секторах общества, получают одну десятую долю совокупного мирового дохода и владеют менее, чем одной сотой мировой собственности»⁵.

Межнациональные отношения, международная торговля, глобальные рынки являются по существу ареной для формирования гендерных политик и «нового» глобального гендерного порядка, который, однако, строится на старых принципах. Неолиберальная экономика только по видимости говорит на гендерно нейтральном языке рынка и возможности выбора для индивидуума. Доминирующие институты глобальной системы контролируются мужчинами – экономическими и политическими предпринимателями. Роберт Коннелл назвал этот тип маскулинности транснациональной гегемонной бизнес-маскулинностью⁶, для которого

⁵ UN Report, 1980. С тех пор ситуация существенно не изменилась. См. Gender Budget Initiatives. Strategies, Concepts and Experiences. N.Y., UNIFEM, 2002.

⁶ Connel, Op.cit.

характерны культивация эгоцентризма, уменьшение чувства ответственности перед другими, отсутствие обязательности, приверженность идее технической рациональности, стремление к сексуальной свободе и потребительское отношение к женщинам.

Глобализация капитала и финансов строится на разделении, основанном на половых и расовых различиях. Иммануил Валлерстайн показал, что расизм и сексизм являются политиками исключения, посредством которых универсальные ценности фактически применяются только к членам доминирующей группы, получающим основные преимущества⁷.

С 1970-х годов на карте мира стали возникать т.н. «фабрики мирового рынка», располагающиеся в странах с дешевой рабочей силой⁸, как правило женской. Например, в экспортно-ориентированных зонах Азии, Африки и Латинской Америки в среднем 80% рабочей силы составляют женщины, потому что их труд обходится нанимателем дешевле, чем мужской. Это приводит к росту мужской безработицы и сверхзанятости женщин на фоне недоплаты их труда. Правительства многих развивающихся стран, пытаясь привлечь иностранные инвестиции и заинтересовать ТНК, идут на прямые нарушения многих конвенций МОТ, определяющих трудовые стандарты. Решающими преимуществами женщин на рынке труда стали дискриминация их в зарплате, бесправие и покорность, привитая им в традиционных патриархальных обществах. В глобализирующейся экономике дискриминация женщин в оплате труда часто оправдывается мифом о том, что мужчины являются кормильцами, а женщины вносят лишь малую толику в обеспечение семьи. С женщинами нередко заключается особый договор – например, на 5 лет без права продления, и в течение этого времени женщинам не разрешается выходить

⁷ Wallerstein I., op.cit.

⁸ Доля зарплаты в странах третьего мира составляет 1% от конечной цены произведенного продукта, т.е., например, 80 центов от цены кроссовок в 80 евро. – Вихтерих К. Женщины в условиях глобализации. М., 2005, с. 29.

замуж⁹. Женщины-рабочие подвергаются и другим нарушениям прав человека: принудительным тестам на беременность, принудительной контрацепции или даже стерилизации. Структурным признаком феминизированного сегмента мирового рынка являются сексуальные домогательства на работе и сексуальное насилие. Когда после нескольких лет работы в тяжелых условиях по 10-13 часов в сутки 7 дней в неделю женщины теряют силы и здоровье (возраст 35 лет это самое позднее, когда это происходит), их выбрасывают улицу, а рабочие места занимают молодые женщины из деревни. Как подчеркивает один из исследователей, именно стремительный оборот и эксплуатация женской рабочей силы вызвала «гендерно обусловленное экономическое чудо» в пороговых странах Юго-Восточной Азии¹⁰. Женщины подвергаются дискриминации не только на фабриках, но и в новых, организованных по транснациональному признаку отраслях – например, разработке программного обеспечения. В Индии, Латинской Америке и в Восточной Европе женщины из средних слоев общества имеют сопоставимый с мужчинами уровень образования и квалификации для работы в этих сферах. Однако в сфере разработки компьютерных программ мужчины занимают 80% высококвалифицированных рабочих мест, а женщины выполняют 70% низкоквалифицированной работы.

Несмотря на маленькие зарплаты, женщины тем не менее стремятся попасть в экспортные производства и берут на себя ответственность за обеспечение семьи. Энтони Гидденс назвал это символом «утраты традиционности» в отношениях между мужчинами и женщинами, означающим выход женщин из норм жесткого патриархатного гендерного строя традиционных обществ.

⁹ Truong, Thunh-Dam. *The Underbelly of the Tiger: Gender and the Demystification of the Asian Miracle*. ISS. The Hague, 1998, p.11.

¹⁰ Ibidem. See also: Joeekes, S. *Female-led Industrialization: Women's Jobs in Third World Export Manufacturing*. Research Report, Geneva, 1982.

Неформальный сектор производства товаров¹¹ и услуг стал неотъемлемой частью глобальной экономики, особенно после кризиса конца 1990-х годов. Так, в среднем 90% вновь созданных рабочих мест в Латинской Америке и Африке приходится на неформальный сектор, причем в основном там работают женщины. В Южной Корее 80% уволенных вследствие кризиса – это женщины. На предприятиях действовал вполне традиционный порядок увольнений, опирающийся на миф о мужчине-кормильце: сначала замужние дети с детьми, потом замужние дети без детей, потом незамужние женщины и в последнюю очередь – мужчины. Возник новый вид работниц, которых называли «девы МВФ» – молодые женщины, выдававшие себя за незамужних или откладывающие свадьбу из-за угрозы потери работы. Правительства предлагали помощь в трудоустройстве только мужчинам, а женщин в лучшем случае переводили на работу в режиме неполного рабочего дня с оплатой на 30% в час меньше, чем на аналогичной работе в режиме полной занятости. Феминистские исследователи часто говорят о том, что работая в таких условиях, *женщины из третьего мира субсидируют глобальную экономику*.

Как показывают исследования российских и зарубежных ученых, женщины и мужчины по-разному реагируют на потерю работы. Женщины пытаются очень быстро найти другую возможность заработать и соглашаются на неформальные условия, не обращая внимания на потерю статуса и квалификации. Мужчины обычно бывают сильно уязвлены увольнением и нередко впадают в депрессию или пьянство. Так, потерявшие работу женщины из стран с экспортной экономикой быстро наладили транснациональную и пограничную мелкую торговлю. Несмотря на теневой и неформальный характер, в «чемоданных экономиках» и на «неформальных рынках» было освоено немало средств – например, в

¹¹ МОТ относит к неформальному сектору следующие виды занятости: по гибкому графику неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, нестабильную/временную занятость, работу на дому, самозанятость в фирме, которую можно назвать «Я».

начале XXI в. две трети годового российско-турецкого объема торговли приходилось на долю челноков¹². Некоторые исследователи считают, что именно дешевая женская рабочая сила, отсутствие трудовых договоров, маленькие производственные единицы (например, используемые греческими меховыми производителями мастерские в Болгарии или южнокорейскими концернами маленькие мастерские во Владивостоке) стали центральными инструментами выхода на мировой рынок восточноевропейских экономик¹³.

Но и в развитых странах переход от индустриальных обществ к обществам услуг и знаний приводит к интенсификации использования неформальных и гибких форм занятости. Мини-рабочие места дают мини-зарплату, в развитых западных странах растет новый класс – «работающие бедняки», и большинство получающих зарплату на уровне черты бедности – это женщины. Так, женщины составляют 89% работающих неполный рабочий день в Германии, в целом по ЕС женщины составляют 81,5% работающих неполный рабочий день. Иными словами, в гибкой глобальной экономике новые неформальные виды деятельности, для которых характерны низкие заработки и отсутствие правовой защищенности работающих, представляют собой гендерно специфичный сегмент с преобладанием женщин. П. Бурдые назвал это «гибкоэксплуатацией».

Глобализация репродуктивной деятельности

Женщины во всех странах мира выполняют основную работу в репродуктивной сфере. Распространенная после II мировой войны феминистская модель семьи предполагала определенный гендерный контракт: основным экономическим субъектом считался мужчина, который на свою зарплату, получаемую за полный рабочий день, мог и

¹² Karamustafa, G. Objectives of Desire – a Suitcase Trade// Hess S. and Lentz R. Geschlecht und Globalisierung. Königstein. 2002

¹³ Gezahmte Modenmultis// Hrsg. Musiolek B. Frankfurt, 1999.

должен был содержать семью (жену и детей). При этом жена должна была бесплатно выполнять домашнюю и репродуктивную работу. Оплата мужского труда на производстве регулировалась тарифами и социальным страхованием таким образом, чтобы обеспечить семье принятый для каждого класса уровень потребления.

В неолиберальной экономике зарплата платится только на основании выполненной работы, создающей определенную стоимость, и не включает скрытой оплаты репродуктивного труда жен и матерей, как было ранее в фордистской модели. Семейные женщины давно стали составной частью наемных работников. В течение двух последних десятилетий во всем мире растет доля занятости женщин, в то время как доля занятости мужчин падает (за исключением Восточной Европы)¹⁴. При этом женщины продолжают, как и раньше, выполнять неоплачиваемую репродуктивную работу – рождение детей, уход за ними, воспитание, работа по дому. Таким образом, женщины своим бесплатным репродуктивным трудом постоянно дотируют рыночную экономику. Для женщин, которые не могут нанять няню или домработницу, работа по дому влияет на форму оплачиваемой занятости и уровень их доходов, поскольку они вынуждены находить частичную занятость. Но есть и другое явление. Работающие женщины среднего класса могут позволить себе наемную прислугу, и таким образом частное домашнее хозяйство создает оплачиваемое (из семейного бюджета) рабочее место. Как правило, такую работу выполняют мигрантки. Это означает, что у них дома подобную работу выполняет кто-то другой – или не выполняет никто. Особенно ярко это видно на примере ухода за больными и престарелыми в сфере здравоохранения. Богатые страны вытягивают средний и младший медперсонал, который вследствие «структурной перестройки экономики» по сценарию МВФ не может получить соответствующей зарплаты в своих странах. В результате

¹⁴ World Survey on the Role of Women in Development. Globalization, Gender and Work// UN, 1999, p. 111.

получается, что в Германии 1 врач приходится на 250 жителей, в Индии – на 2500 жителей, а в Непале и Гаити – на 25 000 человек. Можно сказать, что обеспечение медицинскими услугами (государственными и частными) в богатых странах происходит за счет лишения доступа к здравоохранению бедного населения других стран. Таким образом происходит «этническое перераспределение репродуктивной работы»¹⁵ и создается новый тип глобальной гендерно-этнической иерархии. Работа по уходу (дома или в клиниках) предлагается транснациональными корпорациями как пользующийся спросом товар. Например, филиппинское правительство включило этот фактор в свои стратегии экономического развития страны¹⁶. В результате работы мигранток с детьми, стариками и больными частные домохозяйства или клиники становятся транснациональной культурной площадкой. Последствия этого феномена пока мало изучены.

Культурно-символическая глобализация гендерного порядка

Распространение глобальных масс-медиа, особенно электронных, является мощным фактором глобализации гендерного порядка. Культура и система институций, характерные для США и европейских стран, является гегемоном в этой возникшей мировой системе. Медиа импортируют североамериканские и европейские гендерные ценности. Поп-индустрия развлечений запускает в культурный оборот гендерные имиджи, спланированные как привлекательные для маркетинга: это хорошо обеспеченный, солидный, но спортивно выглядящий белый мужчина и сексуально привлекательная девушка, часто – из «не белой» части мира. Медиа транслируют западные определения авторитарной маскулинности, криминальности, гламурной феминности и т.д. Европейские паттерны маскулинности и феминности становятся глобальными стандартами. Так,

¹⁵ Hess S. and Lentz R., op. cit., p.109

¹⁶ Почти 5 миллионов филиппинок работают за границей домработницами и ежегодно присылают домой 8 миллиардов долларов США. – Ibid, p.91.

почти все политические лидеры мира носят европейский деловой костюм и выглядят молодежавыми, подтянутыми, загорелыми. Многие женщины – медиа и поп-звезды, наоборот, почти ничего из одежды не носят и следуют предписанным Западом промерам фигуры (90x60x90). Глобальные медиа внедряют эти «стандарты красоты» в сознание мужчин и женщин из других частей мира, где этнический генотип и культурные традиции имеют совсем другие образы.

Экономика насилия и теневая глобализация¹⁷

В глобальном мире возник транснациональный рынок сексуальных услуг, для которого также характерно разделение труда между богатыми и бедными странами. Глобальная секс-индустрия работает в нескольких направлениях: распространение порнографии (в том числе и детской); вовлечение или принуждение женщин и детей к занятиям проституцией; сексуальный туризм в страны третьего мира; похищение и вывоз женщин из экономически неблагополучных стран или из зон вооруженных конфликтов в экономически благополучные страны для занятий проституцией.

ООН полагает, что ежегодно 1 миллион женщин из Восточной Европы, Азии, Африки и Южной Америки продаются в другие страны (и это без учета региональной торговли женщинами и детьми). Основными менеджерами глобализованной сексуальной индустрии являются транснациональные синдикаты, причем речь уже давно идет не о криминальных нишах. Торговля женщинами для проституции, брака или нелегальной работы в теневых сферах достигла коммерческих масштабов и представляет собой бурно развивающуюся отрасль глобальной экономики. Транснациональный сексуальный бизнес приносит колоссальные доходы и стоит на третьем месте по масштабам получения прибыли после торговли

¹⁷ Термин предложен П. Локком. Цит. по: Вихтерих К. Женщины в условиях глобализации. М., 2005, с. 73.

оружием и наркотиками, являясь при этом и более безопасным для организаторов. Эксперты ООН оценивают объем доходов от торговли женщинами в диапазоне от 7 до 13 млрд. долларов в год¹⁸. Нередко эти средства вливаются и «отмываются» в формальной экономике. Важно подчеркнуть, что если торговля женщинами имеет международный масштаб, то правовые санкции действуют только на национальном уровне. Основные усилия государственных структур нацелены на пресечение нелегальной миграции, а не на борьбу с торговлей людьми.

Насилие в отношении женщин во время вооружённых конфликтов достигает колоссальных масштабов. Массовые изнасилования используются в качестве средства ведения войны и унижения врага. В Руанде во время геноцида 1994 г. изнасилованию подверглись около 400 000 женщин и девочек. Аналогичные ситуации зафиксированы в Ираке в 2003 г., в Боснии и Герцеговине во время конфликта 1992 г., в ходе конфликта в Косово до 50% женщин были изнасилованы представителями сербских отрядов. В зоне военных и этнических конфликтов также распространена торговля женщинами и девочками, особенно беженцами, среди которых 80% составляют женщины и дети.

Заключение

Итак, мы видим, что процессы глобализации являются гендерно кодированными. Они не только оказывают различное влияние на мужчин и женщин, но и в большей мере реализуются именно через гендерный порядок. Глобальный гендерный порядок остается патриархатным в том смысле, что он дает мужчинам привилегии в отношении женщин. Разделяя экономическую деятельность на публичную (монетарную) и частную, домашнюю, немонетарную, социально-экономический патриархат по-прежнему предписывает женщинам занятия, которые традиционно ассоциируются с их биологической воспроизводственной

¹⁸ Making Global Trade Work for People//UNDP, 2003.

ролью. Как говорит Р. Коннелл, здесь всегда существует «патриархатный дивиденд»¹⁹ для мужчин, который вытекает из принципа неравной оплаты, неравного труда, из неравенства в системе владения собственностью и из системы культурных и сексуальных привилегий. Справедливости ради следует отметить, что между мужчинами, принадлежащими к разным социальным и этническим группам, этот патриархатный дивидент также распределяется отнюдь не равномерно.

В то же время необходимо отметить, что сопротивление глобализации приводит в ряде случаев к усилению различных форм национального, религиозного, этнического фундаментализма, которые способствуют утверждению традиционных гендерных ролей, системы власти и контроля. Иногда этот процесс называют *локализмом*. Собственно, именно такой процесс мы и наблюдаем в современной России. Новые патриархатные элиты пытаются породить общее «мы» нации на основе националистически понимаемой самобытности. Гомогенизирующий проект национализма использует ресурсы женских тел как символа нации, чтобы производить дискурсы нормативного материнства и сексуальной чистоты.

Экономическому детерминизму в понимании глобализации противостоит концепция «глобализации с человеческим лицом», которая разрабатывается сообществом международных аналитиков и экспертов, сотрудничающих с ООН. Особое внимание уделяется институциональному обеспечению прав человека и гендерному равенству на глобальном уровне. Так, на всех Глобальных экономических форумах последних лет готовится специальный доклад по гендерному равенству – так называемый Gender Gap Index. По данным доклада 2009 г. Россия стоит на 51 месте. Неолиберальная политика привела к отказу от гендерных реформ в России.

¹⁹ Connel R. Op. cit.; See also Greig A., Kinnel M., Lang J. Men, Masculinities and Development. – http://www.worldywca.org/common_concern